

У ИДЕЙНЫХ ИСТОКОВ ПРАВОМОНАРХИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Бондаренко Константин Михайлович
профессор кафедры истории Беларуси и восточных славян
учреждения образования «Могилевский государственный
университет имени А.А. Кулешова»;
доктор исторических наук, профессор
(г. Могилев, Беларусь)

В представленной статье рассматриваются постулаты охранительно-консервативной идеологии, возникшей в правительственных кругах Николая I и получившей закрепление в известной триаде – «Православие, Самодержавие, Народность». Развернутая в трудах «славянофилов», она стала теоретической базой, на которую опирались в своих идеологических построениях правомонархические силы начала XX в.

Теоретические, идейные основы будущего охранительного, а точнее монархического движения, были разработаны и получили статус официальной государственной политики еще в первой половине XIX в. В 1832 г. была провозглашена так называемая «теория официальной народности», выраженная в известной триаде: «Православие, Самодержавие, Народность». Ее создателем стал Сергей Семенович Уваров (1796–1855) – министр народного просвещения России с 1838 по 1849 г. [1, с. 643]. Свои консервативные идеи С.С. Уваров изложил в наиболее развернутом виде в четырех основных документах: в письме-меморандуме императору, датированном мартом 1832 г., в докладе «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении министерством народного просвещения», представленном царю 19 ноября 1833 г., и двух юбилейных отчетах о деятельности министерства народного просвещения в течение 5 и 10 лет («Обозрение действий правительства за истекшее пятилетие» и «Десятилетие министерства народного просвещения») [2, с. 95].

С.С. Уваров и его сторонники смогли убедить ближайшее окружение императора Николая I в том, что эти три элемента традиционного бытия русского человека и составляют незыблемые и более того единственно возможные основы русского государственного строя, его прошлого настоящего и будущего. Автор «теории официальной народности» считал, что православие составляет основу жизни русского человека, народного монархизма и патриотизма. Самодержавие, утверждал он «главное условие политического существования России», это фундамент, на котором держится все Российское государство. Народность, в понимании Уварова, – такое же древнее понятие, как православие и самодержавие. Россия развивалась и будет развиваться, благодаря своей народности, опираясь на православную веру и монархию, без возврата к прошлому, но и без решительного разрушения вековых традиций прошлых поколений [2, с. 99, 101, 103].

Идеи о самобытности исторического предназначения России в духе национальной народности нашли свое дальнейшее развитие в философских и исторических воззрениях славянофилов. По их мнению, истинная православная вера, пришедшая на Русь из его чистейшего источника – восточной (византийской) церкви – обуславливает особую историческую миссию русского народа. В православии (соборности – свободной общности) и приверженности русского человека к общинным формам бытия славянофилы видели глубинные корни русской народной души. Историческим воззрениям славянофилов была присуща идеализация допетровской Руси, которую они представляли себе гармоничным обществом, лишенным противоречий, являвшим

единство народа и царя, «Земщины» и «власти» [3, с. 550–551]. Суть известной триады в славянофильском понимании наиболее полно и рельефно выразил один из выдающихся идеологов этого направления общественной мысли, сын основателя и главы славянофильской школы А.С. Хомякова – Дмитрий Алексеевич Хомяков. В своем обстоятельном труде «Православие, самодержавие и народность» (Монреаль, 1982), состоящем из трех частей, написанных в период 1899–1908 гг., он отмечал: «Возвращаясь к определению смысла сопоставленных начал Православия, Самодержавия и Народности, заключим следующим замечанием о их взаимоотношениях. Вместе взятые они составляют формулу, в которой выразилось сознание русской исторической народности. Первые две части составляют ее отличительную черту; их русскому человеку следует охранять всемерно. Третья же «народность», вставлена в нее для того, чтобы показать, что таковая вообще, не только как русская (ибо в таком случае она требовала бы точного определения) признается основой всякого строя и всякой деятельности человеческой...только самобытностью крепки народ и государство» [4, с. 206–207].

В дореформенный период славянофильство переживает внутренний кризис, и на его основе (А.С. Хомяков, К.С. и И.С. Аксаковы, И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин и др.) возникают почвенничество (Ф.М. Достоевский, А.А. Григорьев, Н.Н. Струв и др.), а также охранительное направление консервативной идеологии, представленное именами князя В.П. Мещерского, М.Н. Каткова, Д.А. Толстого, К.П. Победоносцева, К.Н. Леонтьева, Л.А. Тихомирова. Постепенно, под воздействием нарастающей радикализации русского общества, идеологи охранительно-государственного консерватизма перенесли центр формулы «Православие, Самодержавие, Народность» на «Самодержавие» [5, с. 83, 87–88]. Защищая идею сильной государственности, они доказывали, что только самодержец может избавить страну от крайностей диктатуры, революции и анархии, и с минимальными издержками провести ее через перипетии модернизации. На это идейное наследие и старались опереться правомонархические силы начала XX в.

В конце XIX – начале XX в. охранительно-консервативная идеология все больше сближается с практикой политической борьбы. Главными задачами сторонников охранительной мысли становятся: защита национальных основ, принципа самодержавной власти и православной религии, критика и неприятие либерального реформаторства и антиправительственных настроений, борьба против социализма и любых проявлений революционности. Те или иные постулаты охранительно-консервативной идеологии можно обнаружить практически в каждом общественном движении, в документах всех несоциалистических партий, но наиболее рельефно, полно и обстоятельно они нашли свое отражение и воплощение в программах и практической деятельности монархических союзов и организаций. Монархическими принято считать партии и иные политические и общественные образования, выступающие приверженцами и сторонниками монархизма – политического направления общественной мысли, имеющего целью установление и охранение монархии – формы правления, при которой верховная власть в государстве формально (полностью или частично) сосредоточена в руках единоличного главы государства – монарха.

Сторонники самодержавного строя в России постепенно составили всеобщую социальную базу монархического движения, которое представляло собой многообразный процесс зарождения, становления и активной деятельности различных общественных сил, отстаивающих идеологические принципы охранительного традиционализма: самодержавие, православие, народность. Монархическое движение, как политическое явление российской действительности, непосредственно заявляет о себе в начале XX в. и становится реальной политической

силой в ходе первой русской революции. Важнейшей предпосылкой возникновения монархического движения стало осознание значительной частью традиционалистски настроенного населения, того обстоятельства, что царскому самодержавию, как многовековому фундаменту общественно-политического строя России, угрожает реальная опасность и что без массовой поддержки власть уже не в состоянии самостоятельно защитить самодержавную форму правления. Не случайно именно в это время возникают и разворачивают практическую работу по защите традиционных форм бытия партии правого, монархического направления.

Список использованной литературы

1. Уваров Сергей Семенович (25.VIII.1786 – 4.IX.1855) // Советская историческая энциклопедия. – М., 1973. – Т. 14. – С. 643.
2. Иванов, О. А. Идеология «православие, самодержавие, народность» С. С. Уварова / О. А. Иванов // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее: сб. науч. трудов. – Воронеж, 2001. – Вып. 1. – С. 92-111.
3. Славянофилы // Большая советская энциклопедия. – М., 1976. – Т. 23: САФЛОР – СОАН. – С. 550.
4. Хомяков, Д. А. Православие, Самодержавие, Народность / Д. А. Хомяков. – Минск, 1997. – 208 с.
5. Гусев, В. А. Д. А. Хомяков: интерпретация девиза «Православие. Самодержавие. Народность» / В. А. Гусев // Социально-политический журнал. – 1992. – № 10. – С. 82-89.